
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 94(470+571.52)

Хемчикский мятеж 1924 г.: причины и ход восстания

Николай М. Моллеров

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, доктор исторических наук, научный руководитель института, Кызыл, Республика Тыва, Россия, privetici2020@mail.ru.

Аннотация. В статье изложены результаты анализа внешне- и внутривнутриполитического положения Тувинской Народной Республики, предпринятого с целью выявления причин вооруженного восстания на Хемчике в 1924 г., а также рассмотрены ход восстания и его мирное урегулирование на трехсторонней тувинско-монголо-советской конференции. В процессе анализа и реконструкции событий использовались как научные исследования, так и новые архивные данные.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, внешнеполитическое положение, внутривнутриполитическая ситуация, причины восстания, ход восстания, мирное урегулирование

Для цитирования: Моллеров Н.М. «Хемчикский мятеж 1924 г.: причины и ход восстания» // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 2(2). С. 6-30. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-6-30

The Khemchik Mutiny of 1924: Causes and Course of the Uprising

Nikolay M. Mollerov

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (History), Scientific Director, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, privetici2020@mail.ru.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the external and internal political situation in the Tuvan People's Republic, undertaken to reveal the causes of the armed uprising in Khemchik in 1924. It also examines the course of the uprising and its peaceful settlement at the trilateral Tuvan-Mongol-Soviet conference. The author has used both scientific research and the new archival data in the analysis and recovering the course of events.

Keywords: Tuva People's Republic, foreign policy situation, domestic political situation, causes of the uprising, course of the uprising, peaceful settlement

For citation: Mollerov, N. M. (2022) «Khemchik rebellion of 1924: causes and course of the uprising» // Asian Studies: History and Modernity, no. 2(2), p. 6-30. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-2-6-30

Введение

В августе 1921 г. с образованием Республики Танну-Тува Улус начался новый этап исторического развития тувинского народа, связанный с государственным строительством и модернизацией традиционного общества, названной позднее политиками и историками

переходом от феодализма к социализму, минуя капитализм. В первом параграфе принятой на Всетувинском учредительном хурале (съезде) 1921 г. Конституции говорилось, что Республика Танну-Тува Улус «является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством», а в международных отношениях «выступает под покровительством Советской России» [Конституции Тувы 1999, с. 25]. В целях борьбы с внешними врагами, устанавливался советско-тувинский военный союз (8-ой параграф) [Конституции Тувы 1999, с. 26], в 15-ом параграфе оговаривалась возможность приглашения на государственную службу иностранных специалистов [Конституции Тувы 1999, с. 26-27].

М.Г. Сафьянов

«Как будто бы на этом и кончились мытарства танну-тувинского народа, - писал М.Г. Сафьянов¹ (псевдоним «Кайский»). – Но, к сожалению, в действительности было иначе...»². ТНР предстояло испытание на прочность в период государственной

неустойчивости, обострения внутренних проблем и вооруженного мятежа весны 1924 г.

Положение тувинского государства накануне Хемчикского мятежа 1924 г.

Внешнеполитическое положение. На самом деле, государственный статус отнюдь не гарантировал Туве надежную защиту от притязаний со стороны Китая и Монголии, не ограждал традиционные основы общества от революционного влияния советского государства. Большой проблемой для нее в начале 1920-х гг. стало получение дипломатического признания даже со стороны Советского Союза и Внешней Монголии. Монгольское правительство не верило в государственную самостоятельность Тувы и настойчиво добивалось ее включения в состав своего государства. Советское руководство долго не признавало итоги Учредительного хурала (съезда) из-за слабого представительства на нем делегатов от бедноты и нахождения на территории Тувы в период съезда частей Красной Армии, противоречащего свободному волеизъявлению. Не радовала его и перспектива еще большего обострения отношений с

1 Михаил Георгиевич Сафьянов – родной брат Иннокентия Сафьянова, работник советского консульства в Туве в первой половине 20-х годов, автор ряда статей по истории Тувы.

2 Кайский М. «Урянхайский вопрос»// «Северная Азия». 1926. Кн. 4. С. 24.

Китаем, права которого на Туву советское правительство в тот период сомнению не подвергало и с которым имело огромную по протяженности границу.

2 сентября 1921 г. заведующий Дальневосточного Секретариата Коминтерна (ДВСКИ) Д.И. Никитенко направил главе НКВД РСФСР Г.В. Чичерину письмо, в котором добровольность самоопределения Тувы, а значит и его главный итог – образование государства – ставились под сомнение. В заключение он писал: «По последним сведениям из Урги, урянхайские события сильно нервируют монгольское правительство...»³. В издании Дальневосточного секретариата Коминтерна «Народы Дальнего Востока» проводилась мысль о действительном самоопределении, в противоположность самоопределению принудительному, «палочному», якобы, осуществленному И.Г. Сафьяновым. «...Второй съезд Урянхайских трудовых слоев населения, – говорилось в нем, – без сомнения, учтет эту необходимость и исправит ту линию, которая, в силу не вполне еще нормальных условий, быта Урянхайского края, была проведена первым съездом»⁴ [Моллеров 2014, с. 240].

О намерении провести новый съезд (историки, наверное, назвали бы его «переучредительным») свидетельствуют и выдержки из письма батальонного комиссара советской воинской части в Туве Константина Лидина, выезжавшего в Москву, чтобы отстоять там итоги проведенного самоопределения. Он в частности, писал: «...Если народ хочет автономии (в составе Монголии – *Н.М.*), то они это могут сделать посредством второго съезда. Если они подтвердят прежнее постановление на втором съезде, вы (обращается к И.Г. Сафьянову – *Н.М.*) присутствовать там воздержитесь, ...и этим монгольская ставка будет бита» [Моллеров 2014, с. 240-241]. Но И.Г. Сафьянов к тому времени проявил колебания и пересмотрел главный результат своих деяний в Туве – образование тувинского государства. В том же издании ДВСКИ он писал: «Культурно-религиозная связь, существующая уже много столетий между монголами и урянхайцами, говорит за то, что оба народа найдут общий язык для полного сожительства в одном государственном организме на федеративных началах»⁵.

Между тем, шло время, а «переучредительный» хурал не проводился. Напрашивался вопрос о признании итогов уже состоявшегося съезда,

3 «Неопределенность положения ведет к вопиющим фактам»// Исторический архив. М., 2005. № 3. С. 89.

4 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 495, оп. 154, д.112, лл. 121-122.

5 Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (далее - НА ТИГПИ), Д. 81, лл. 8-9.

а значит и государства. Но и этого не происходило. Официальная реакция внешнеполитического ведомства советского государства на образование Республики Танну-Тува Улус поначалу была нейтрально-осторожной. Направленное им 14 сентября 1921 г. обращение к народу Тувы⁶ было составлено в обтекаемых выражениях. В нем не упоминались ни факт провозглашения тувинского государства, ни даже его название [Документы внешней политики СССР 1969. Т. 4, с. 722-723]. Советскому руководству после появления на международной арене Республики Танну-Тува Улус приходилось думать о том, как сдерживать напор панмонголистов революционной Монголии, стремившихся к территориальному расширению монгольского государства за счет Тувы.

В 1920-е гг. активно шли советско-монгольские дебаты по «урянхайскому вопросу». НКВД Советской России предлагал монгольской стороне дождаться результатов революционного движения в Китае, чтобы затем принять верное решение. Но монгольскую сторону результаты дипломатических переговоров не устраивали. Действуя сепаратно (т.е. в одностороннем порядке, в нарушение договоренности), она неоднократно пыталась поставить Советскую Россию (затем СССР) перед свершившимся фактом – присоединением Тувы. Монгольское правительство вплоть до начала 1922 г. продолжало посылать в Туву свои распоряжения и циркуляры, отдавало приказы, чтобы уголовных преступников судили не в Туве, а в Монголии (Кобдо и Улясутае). Правитель Западной Монголии князь Намзырай-Боин, ранее управлявший частью Урянхая, в своем письме, посланном в 1921 г. в адрес оргбюро Тувинской народно-революционной партии (ТНРП), писал: «Урянхай в своем желании стать самостоятельным, похож на мышь, которая хочет рыкнуть как лев»⁷. Он считал (выражения сохранены близко к оригиналу), что тувинская страна не может даже прокормить одну голодную семью, поэтому тувинский народ не дорос до самостоятельного управления своей страной. На один из запросов тувинского правительства, как смотрит монгольское правительство на образование тувинского государства, последнее ответило коротко:

6 Этот документ многократно цитировался в научных работах по истории Тувы новейшего периода. В них Обращение трактовалось как официальное заявление советского государства о признании независимости и суверенитета тувинского государства (либо народа). Причем данная оценка базировалась не на анализе конкретного содержания документа, не на международно-правовом подходе, а на искажении и преувеличении его политического значения.

7 НА ТИГПИ, д. 420, раздел 22, С. 1-2.

«Приезжайте к нам, и мы отсюда укажем вам ваше место»⁸. Поведение членов монгольского правительства и его высокопоставленных чиновников наглядно свидетельствовало о неизжитых среди монгольской элиты вассальных порядках и нравах, о взглядах на тувинцев свысока, как на подвластные племена.

5 марта 1922 г. об образовании независимой республики было официально уведомлено правительство Советской России. Ему также была передана просьба временно, до особого соглашения, оставить в Туве советские войска. В 1922 г. тувинское правительство обратилось к представительству НКВД РСФСР и райбюро РКП (б) в Туве за помощью в деле государственного строительства. «Помощь эта была оказана, - вспоминал М.Г. Сафьянов, - посылкой инструкторов и советников в министерства. При содействии советников было выработано положение об органах законодательства и управления, налажен финансово-налоговый аппарат и начала производиться подготовительная работа по демократизации страны»⁹.

7 марта 1922 г. о провозглашении независимости Тувы было также официально поставлено в известность монгольское правительство. В своих посланиях тувинское правительство предлагало Советской России и Монголии заключить дружественные договора, для чего в Москву и Ургу из Тувы была готова выехать правительственная делегация. Монголия на это ничего не ответила, а правительство РСФСР 27 марта 1922 г. заявило, «что ...готово завязать дружественные отношения на основе полного равенства». Но срок заключения договора сторонами не оговаривался, и оно было отложено на неопределенное время¹⁰.

В 1923 г. из Улан-Батора была получена нота, в которой правительство Монголии отказалось признать суверенитет тувинского государства. Свою позицию оно обосновывало тем, что, по его мнению, «...Танну-Тува является составной частью Монголии»¹¹. 30 марта 1923 г. МИД Тувы направил правительству и МИД Монголии ответную ноту, где указывалось, что тувинский народ расположен «вне пределов Халха-монгольской территории и является самостоятельным народом, имеющим особый язык», и только одинаковую с монголами веру. В ноте также содержалась ссылка на «согласие и сочувствие» СССР в

8 НА ТИГПИ, д. 420, раздел 22, С. 1-2; ЦАДПОО НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 92 «в», л. 31-32.

9 Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ), ф. 153, оп. 6, д. 6, п. 2, л. 18.

10 РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 2, л. 41-42.

11 Центр архивных документов партий и общественных организаций Национального архива Республики Тыва (далее - ЦАДПОО НА РТ), ф. 1, оп. 1, д. 92 «в», л. 31 об.

работе по государственному устройству Тувы¹². Руководство Монголии, последовательно придерживаясь взятой линии, 13 октября 1923 г. направило в Кызыл приказ о делегировании представителей от Тувы в Великий Хурал Монголии¹³. На это тувинское правительство сообщило, что оно решает свои внутренние вопросы по своим законам, как и монгольское правительство по своим, а поэтому нет необходимости посылать представителей в Монголию. Если же Монголия будет учитывать независимость Тувы, то можно начать сотрудничать в установлении дипломатических связей¹⁴.

Все предложения тувинского правительства нормализовать двусторонние отношения наталкивались на молчание монгольской стороны. В то же время местные власти Монголии (особенно активно кобдосский сайт Гомбоитшин) вели агитацию среди тувинского населения, пытаясь склонить его к присоединению [История Тувы 1964, с.109]. Не только представители монгольского государства, но и высшие иерархи буддизма выступали против самостоятельности Тувы, добивались ее присоединения к Монголии. В Туве были их явные и тайные сторонники в лице бывших нойонов и лам [Дацышен 2010, с.133]. Положение выглядело еще более сложным и запутанным в связи с тем, что в соседнем с Тувой Кобдосском округе Монголии фиксировались прокитайские настроения [Там же]. Китайские фирмы активно торговали и в Туве, особенно на Хемчике.

Китайская торговая фирма в Туве. 1924 г.

12 ЦАДПОО НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 6.

13 Там же.

14 РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 1, л. 10-11.

Кроме того, историк Х.М. Сейфулин считает, что за спинами монгольских и тувинских феодалов, стремившихся реставрировать у себя прежние порядки, стояли «американо-английские империалисты» [Сейфулин 1954, с. 79].

Таким образом, внешнеполитическое положение Тувы в рассматриваемый период характеризуется высокой неустойчивостью. Ее главной причиной являлось непризнание государства. Это обстоятельство, как следствие, не могло не отразиться и на внутренней жизни Тувы.

Внутриполитическая обстановка. С начала 1920-х гг. из правящей тувинской элиты начал выделяться круг политиков, ориентирующихся на строительство независимого государства, круг государственников-консерваторов. Их политическим триумфом является образование национального государства. Однако в первые годы государственного строительства стала очевидной крайняя малочисленность истинных и твердых сторонников сделанного в августе 1921 г. исторического выбора. Большинство из государственников время от времени испытывало сомнения и допускало колебания. Их основной причиной являлось проведение в Туве социальных преобразований, связанных с коренным изменением традиционных устоев общества.

Никак не придавало консерваторам уверенности то, что неоднократные попытки тувинского правительства завязать дружественные отношения с соседними странами не вызывали активного встречного движения, не приводили к заметным подвижкам в вопросе о международном признании.

За лето 1921 – зиму 1922 гг. в Туве оформилась Тувинская народно-революционная партия, внутри которой изначально наметились две

Флаг правительства и ЦК ТНРП
в нач. 1920-х гг.

группы: «элегестинская» во главе с Оюном Курседи (революционеры) и «бий-хемская» или «туранская», где лидером был Монгуш Нимажап (консерваторы). Первая группа выражала интересы бедных аратов, вторая ориентировалась на феодалов, чиновников и лам. «Элегестинскую» группу идейно поддерживало райбюро РКП (б), но, несмотря на это, на выборах руководящего состава органов партии она уступила своим оппонентам-однопартийцам. В состав

ЦК вошли крупные чиновники Лопсан-Осур, Нимажап, Тумен-Назыты, Дарыма-Базыр и Лопсан-Сорукту. Функции председателя ЦК были возложены на чагырыкчы Маады сумона Лопсан-Осура (он же был избран и председателем Совета Министров).

Отсутствие опыта организационно-политической работы и внутренняя борьба не позволяли ЦК ТНРП согласованно и активно действовать в интересах тувинского общества. Выходцы из правящей элиты старой Тувы, как государственники, могли бы пойти на компромисс с представителями революционного крыла созданной в 1922 г. ТНРП, с учетом их твердой позиции в вопросе о независимости Тувы. Но, как консерваторы, они не принимали действия и требования революционеров в части изменения традиционных порядков. Находясь в шаткой позиции, они с течением времени все больше склонялись к объединению с Монголией. Казалось¹⁵, что время работало против сторонников государственной самостоятельности. Среди консерваторов их становилось все меньше. В результате обострялась внутривластная борьба.

После затяжного и разорительного периода военных действий 1917-1921 гг. экономическое положение молодого государства было крайне тяжелым. Кроме налогов с населения пополнять государственную казну было нечем. Однако установленное тувинским правительством налоговое бремя для малоимущих слоев аратства оказалось непосильным. Так, «бедные и маломощные араты, и середняки должны были платить сельскохозяйственный налог из расчета 2 лана (около 3 рублей серебром) с одного бодо скота, что примерно составляло 10-15% рыночной стоимости каждого бодо» [Сейфулин 1954, с.79]. Сбор налогов осуществлялся без учета мощности хозяйств налогоплательщиков на уравнильных началах и был важнейшим источником поступления доходов в государственную казну, составляя 85,3% ее объема [Тульчинский, Каплунов 1972, с. 23, 27]. Финансовый контроль за расходованием бюджетных средств в начале 1920-х гг. еще налажен не был, что создавало условия для неприоритетных трат и хищений. По причине ошибочной бюджетно-налоговой политики в тувинском обществе нарастала социальная напряженность. Собранных средств государственного бюджета едва хватало на содержание государственного

¹⁵ Им так казалось, потому что в это время в Монголии активно, иногда с опережением шли схожие по своей направленности и содержанию процессы, связанные с обострением политической борьбы и демократическим преобразованием страны и вскоре приведшие к отстранению феодалов от власти и установлению республиканского народно-демократического строя. См. История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 268-273.

аппарата и небольшого правительственного отряда. Члены ТНРП также финансировались из государственной казны.

Этим вскоре не преминуло воспользоваться консервативное крыло ТНРП. На заседании ЦК ТНРП его руководство объявило о прекращении деятельности партии из-за необходимости «предотвратить излишние расходы на содержание партийного аппарата» [Очерки истории 1975, с. 40]. Принятое решение было оформлено как самороспуск с учетом тяжелого экономического положения страны. Упразднение единственной общественно-политической организации в системе народно-демократического государства внешне выглядело весомо, правдоподобно и главное – экономически обоснованно. Как со временем выяснилось, экономические причины действительно стали если не главными, то очень вескими в поднятии восстания на Хемчике. В донесении Енисейского губкома и Монгольской конторы Центросоюза от 17 июня 1924 г. отмечалось, «что майские беспорядки на Хемчике и в Самагалтае (отмеченный ниже заговор – *Н.М.*) были вызваны недовольством налоговой политикой» [Дацышен 2010, с.131], а принудительное введение положений Земельного кодекса РСФСР придало мятежу еще и антисоветский характер.

С этим решением не смирилась «элегестинская» группа. Между сторонниками и противниками роспуска партии крайне обострилась политическая борьба. Когда в Салчакском хошуне был убит активно выступавший за восстановление ТНРП О. Чуржапай, то проведенное расследование показало, что следы преступления ведут наверх [Моллеров 2021, с. 97]. В хемчикских хошунах из-за скрытого противодействия Буяна-Бадыргы агитационную работу за восстановление партии удалось провести только в трех сумонах [Аранчын 1982, с. 101]. Все же при поддержке Райбюро РКП (б) революционному крылу партии удалось добиться восстановления ТНРП. Более того, возглавив ее партийные органы, тувинские революционеры начали активно влиять на институты государственной власти, контролировать их работу.

На II «восстановительном» съезде ТНРП (6 июля 1923 г.) заслушивались доклады о работе министерств тувинского правительства. В его резолюции по докладу МИД была отмечена настоятельная необходимость укрепления отношений с другими странами, и особенно с Советским Союзом. С этой целью предполагалось направить в Москву специальную делегацию. В докладе Нимажапа о работе МИД отмечалось: «Монголии был направлен ответ, который опирался на ноту Советского Правительства и гласил, что мы, хоть маленький народ, но, согласно

духу времени, имеем право на самоопределение и делегацию посылать в Монголию не можем» [История Тувы 1964, с.101]. Делегаты съезда отмечали, что Монголия не сочувствует революционному движению в Туве и не признает государства. Они выражали надежду на перемены к лучшему в ближайшее время, когда в монгольском и тувинском правительствах будут работать другие лица [Дацышен 2010, с. 133].

Очень болезненным для консервативных членов ЦК ТНРП и правительства было решение съезда об отмене феодальных привилегий, званий и знаков отличия. Тем более, что на I Великом Хурале ТНР, проходившем 20 сентября – 1 октября 1923 г., оно было утверждено законодательно.

Заметную остроту в политическую жизнь Тувы начала вносить созданная осенью 1923 г. внутрипартийная анархистская группа «чудурук нам» («партия сжатого кулака»), которую возглавлял член ЦК ТНРП и заместитель председателя Совета Министров О. Данзын. В издании по партийной истории утверждается, что «при подстрекательстве феодалов эта группа совершала различные беззакония и тем самым наносила значительный ущерб авторитету партии» [Очерки Тувинской организации КПСС 1975, с. 42]. Следует отметить, что для анархистов всех наций и мастей характерны непредсказуемые метания из одной крайности к другую, временные союзы с разными политическими силами, склонность к резким непродуманным действиям. Вооруженные анархисты устраивали пьяные оргии, носились верхом по аалам, гоняли и стреляли собак, грабили незащитных, отбирали скот у населения, насиловали женщин, принудительно отрезали аратам косы и т.п. В исторической художественной литературе [Салчак 1973, с.189], О. Данзын описан, казалось бы, гротескно: длинный, нескладный, сверх меры обвешанный оружием, - но вовсе не исключено, что он таким и был на самом деле. Как показывают события, «чудурук нам» своими радикальными возмутительными действиями не только создавала дополнительное напряжение в тувинском обществе, способствуя, в частности, вспышке вооруженного мятежа на Хемчике, но и провоцировала возмущение народа в ходе самого мятежа, а также своими провокационными действиями мешала переговорам по его мирному прекращению.

В «Очерках Тувинской организации КПСС» утверждается, что ЦК ТНРП «принял меры для пресечения антипартийных действий анархистов и идейно-организационного разгрома этой группы» [Очерки Тувинской организации КПСС 1975, с. 42]. Документов об идейном разгроме «чудурук нам» пока не найдено, а вот о ее разоружении в

декабре 1924 г. известно от С.К. Тока, непосредственного участника этого события [Салчак Т. 1973, с.191].

Как это ни странно, ни революционеров, ни консерваторов, а именно мятущихся, нескладных, нелепых анархистов можно считать символическими фигурами кануна и периода мятежа. Что первые, что вторые в социально и политически напряженной, неясной обстановке были своей неприкаянностью во многом похожи на анархистов. И.В. Отрощенко в статье о ТНР приводит слова советника ЦК ТНРП и тувинского правительства П.С. Медведева, характеризующие типичную для того времени линию поведения консерваторов на примере Монгуша Шагдыра: сначала тот был сторонником государственной самостоятельности, затем перешел на позиции присоединения Тувы к Монголии, и, наконец, вновь стал патриотом независимой Тувы [Отрощенко 2020, с.42].

Сложнейший выбор стоял перед главой правительства Буяном-Бадаргы, который открыто гордился своим положением в обществе и не мог не сожалеть об отмене феодальных титулов и рангов, однако не менее сильно ценил он и недавно обретенную государственность. Все же долгое международное непризнание государства и неожиданные колебания И.Г. Сафьянова могли отразиться на его политических воззрениях и шагах, придать им характер метаний из одной крайности в другую. Так, секретарь райбюро РКП (б) в Туве Я.С. Чугунов считал, что инициатива присоединения Тувы к Монголии принадлежит Буяну-Бадаргы, Нимажапу, Камбы-ламе Лопсан-Чамзы, Нармандаху и еще некоторым представителям правящей элиты Тувы [Дацышен 2010, с.131]. Это мнение непосредственного участника тех острых политических событий, человека, не склонного к политическим ярлыкам и оговорам. О показном признании независимости Тувы и фактически о политической двойственности Буяна-Бадаргы, на деле возглавлявшем оппозицию, пишет историк Ю.Л. Аранчын [Аранчын 1982, с. 109].

После создания тувинского государства буддийская община свои позиции долгое время сохраняла. Как и раньше, хурэ представляли собой самостоятельные хозяйственные единицы, имели свое имущество, вели торговлю, занимались ремеслами. На их земельных угодьях и пастбищах, работали араты – шавылары. Настоятели крупных хурэ, будучи выходцами из богатых феодальных семей, оказывали влияние на членов тувинского правительства и их политику. Если до 1921 г. в Туве насчитывалось 22 буддийских храма, то в 1922-1923 гг. построили еще четыре [История Тувы 2007, с. 253]. Но под воздействием атеистической идеологии, в ходе секуляризации буддийской церкви их влияние

ослабевало. Так, по Конституции 1921 г. низшие слои духовенства уравнивались в правах и обязанностях с остальными гражданами, а высшие лишались своего привилегированного положения и бывшего влияния в политической жизни страны. Представители правящей элиты в своем отношении к церкви руководствовались пониманием, что буддизм является неотъемлемой частью традиционной тувинской культуры и образа жизни, но под напором атеизма вынуждены были идти на частичные уступки [История Тувы 2007, с. 253-255].

Позиция, которую занимали советские органы в Туве (представительство НКВД РСФСР, райбюро РКП (б) и исполком РСТК), характеризовалась официальным невмешательством во внутренние дела и созданием условий для проявления инициативы тувинских органов власти по всем внутренним вопросам. Выступая на заседании райбюро РКП (б) 5 июля 1922 г. представитель НКВД РСФСР в Туве Ф.Г. Фальский сделал доклад «О работе среди урянхов», в котором обозначил основное направление работы в крае. «...Нам нужно все наше внимание сосредоточить на том, - сказал он, - чтобы вызвать как можно больше самостоятельности самих урянхов»¹⁶. В постановлении по докладу говорилось: «Мы должны приложить все силы ...на усвоение местными русскими колонистами значения начавшей развиваться урянхайской самостоятельности и укрепить дружественные отношения между РСТК и урянхайским народом»¹⁷.

Существование советской колонии в Туве позволяло советскому правительству оказывать тувинской стороне помощь в государственном строительстве не напрямую (это было бы чревато осложнением отношений с Монголией), а по цепочке: райбюро РКП (б) – «элегестинская» группа ЦК ТНРП (позднее их стали называть левыми). Привлечение колонистов в качестве советников тувинского правительства внешне выглядело как использование внутренних ресурсов Тувы. Поскольку их действия и советы нередко входили в противоречие с традиционными представлениями членов тувинского правительства, они не могли не вызывать недовольства и противодействия, прежде всего, со стороны консерваторов.

Советскими органами изучалась политическая обстановка в Туве, чтобы принять решение о целесообразности вывода с ее территории советской воинской части. В начале октября 1922 г. Енгубком получил от райбюро РКП (б) в Туве информацию, где отмечалось: «Общее политическое состояние Русской Колонии в Урянхае

16 ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 66.

17 ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 69-70.

устойчивое в отношении к политике Советроссии в Урянхае, а также к органам Управления РСТК, за исключением одиночных личностей, не оказывающих никакого влияния на настроение населения, белобандитских выступлений в Урянхае нет, и никаких вспышек и неудовольствия со стороны населения не было..., а также не наблюдалось никаких вспышек и недоразумений и конфликтов и Танну-Тувы с русской колонией»¹⁸. Такая оценка основывалась на результатах проведенной в районах разведки, а также на данных о состоянии местного отряда красных партизан, который, по оценке райбюро, был «в любой момент готов к выступлению»¹⁹.

Но принятое в нач. 1923 г. решение о выводе войск оказалось ошибочным и преждевременным. Вскоре политическая обстановка в Советской колонии в Туве обострилась. В конце 1923 – нач. 1924 гг. зажиточные русские крестьяне Турана и Уюка установили связь с нойоном рода Оюн Ажикаем (ставка в с. Самагалтай) и приступили к подготовке вооруженного восстания. Но их заговор быстро раскрыли. 18 апреля 1923 г. на заседании райбюро РКП (б) председатель исполкома РСТК Г.Я. Стрелков сделал доклад о политическом положении РСТК, в котором отметил, что в Верховье удалось обнаружить несколько бывших белогвардейцев, которых поддерживала часть местных колонистов. Он также сообщил: «Нащупаны нити контрреволюционной организации, разбросанной по колонии, не только среди русских, но частично замешаны и тувинцы. Силы, насколько удалось выяснить, незначительны, но есть опасность отдельных нападений. Меры предосторожности и слежки исполкомом приняты»²⁰. Доклад приняли к сведению. Военному отделу исполкома РСТК предложили в случае тревоги привести в боевую готовность гарнизон г. Красного (ныне г. Кызыл).

В январе 1924 г. арестовали участников «предполагаемого восстания» в Оюннарском хошуне. В ходе следствия, по словам секретаря РКП (б) Я. С. Чугунова, выяснилось, что группа арестованных тувинцев и русских на самом деле «является... контрреволюционной организацией» [Дацышен 2010, с. 128]. Видимо, о той же организации сообщалось в сводке Енисейского ОГПУ: «22 января с/г в Урянхае ожидалось выступление сойотов против Народно-революционного правительства Танну-Тува и ЦК Народной Ревпартии, принятыми мерами виновные обнаружены, произведены аресты. Как видно из следствия, в заговоре участвовали русские колонисты» [Дацышен 2010, с. 128]. Хотя связь этого заговора с

18 ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 23.

19 ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 101-102.

20 ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 24, лл. 42-43.

Хемчикским восстанием впоследствии доказать не удалось, оно вполне могло быть симптомом надвигающихся событий.

По мнению, Ю.Л. Аранчына, сторонникам независимости Тувы после победы на II «восстановительном» съезде ТНРП следовало более решительно проводить «демократизацию органов власти и отстранение феодалов от масс» [Аранчин 1982, с. 108], и создать вооруженные группы из надежных партийцев на местах. Они же, напротив, разоружили тех, кто их поддержал, дали много власти авантюристу Данзыну, назначив его партийным «куратором правительства» [Аранчин 1982, с. 109]. В итоге политическая оппозиция перед самым хемчикским мятежом весной 1924 г. предприняла ряд шагов провокационного характера: «ущемление интересов аратов в землепользовании, налогообложении и торговле, поощрение волокиты, бюрократизма, произвола в практике работы органов власти, насильственное обрезание кос у мужчин, извращенное толкование политики в отношении религии и т.п.». [Аранчин 1982, с. 109].

Таким образом, неустойчивое международное положение тувинского государства, сепаратные действия монгольской стороны, тяжелая экономическая ситуация, острое противоборство между консерваторами и революционерами, свобода действий для политических авантюристов, в конечном счете, привели к вооруженному мятежу в Туве.

Хемчикское вооруженное восстание и его мирное урегулирование (март-август 1924 г.)

Ход восстания. 11 марта 1924 г. на Хемчике в сумоне Шеми бывший лама и чагырыкчы Куулар Сумунак, объявивший себя ханом хемчикских хошунов, собрал вооруженную группу из 23 человек. Позднее на допросе Сумунак назвал эту сходку партийным собранием²¹. Данная деталь указывает на то, что мятеж вызревал внутри хошунной организации ТНРП, где, по-видимому, доминировали представители консервативного крыла партии. «Мы пришли к общему мнению, - сообщил он, - что законы, постановления и налоги нового правительства невозможно выполнять: говорят, женщин, детей отберут, родовые территории будут мерить, пушнину, драгоценности, товары, зерно и живой скот тоже заберут; когда количество скота дойдет до двух миллионов, то его перегонят в Хем-Белдири (т.е. в г. Красный, ныне Кызыл – Н.М.) там будут сторожить и потом забивать. Поверив таким слухам, мы подняли вооруженный мятеж»²². Повстанцы арестовали работников хошунного управления и объявили свою программу. Своими главными политическими целями мятежники провозгласили реставрацию феодального строя, ликвидацию

21 НА ТИГПИ при Правительстве РТ, д. 1005, лл. 5-6.

22 НА ТИГПИ при Правительстве РТ, д. 1005, лл. 5-6.

государственной самостоятельности и присоединение к Монголии. В политической агитации они опирались на служителей буддийских хурээ и религиозную идеологию. [Сейфулин 1954, с. 79]. Они рассчитывали, что вскоре в Монголии произойдет контрреволюционный государственный переворот и вернуться прежние порядки. Они активно выступали с антисоветскими и националистическими лозунгами, жестоко расправлялись с аратами – активными участниками, сторонниками революционных преобразований и их родственниками [История Тувы 2007, с. 153].

Сумунаку и его сторонникам путем уговора, обмана и запугивания удалось привлечь на свою сторону и подбить на вооруженный мятеж около 600 аратов. Численность восставших косвенно свидетельствует о том, что на руках у восставших имелось до 500-600 единиц боевого оружия²³. Повстанцы распространили свою власть и влияние на сумоны Шеми, Чыргакаы, Улуг-Аянгаты, Адар-Тош, Ак-Туруг и Чаа-Холь. На подконтрольной им территории они разграбили торговые лавки Центросоюза СССР и Тувинского Госторга, на почтовых станциях (уртелях) и у аратов забрали коней. Работников разграбленных организаций они посадили под арест в одном из деревянных строений. Среди арестованных оказался известный фотограф В.П. Ермолаев, которому по понятным причинам не позволили запечатлеть моменты происходившего исторического события.

Мятежники поставили 70 войлочных юрт, выделили для питания 110 коней, 1290 коз, 10000 овец. Когда Сумунак подъехал к Чадану, встретить «хана» и его войско вышли ламы в праздничном облачении с большими священными книгами-судурами под оглушительные звуки труб [История Тувы 2007, с. 153].

Председатель правительства Тувы Монгуш Буян-Бадьргы в сопровождении сводного тувинско-русского отряда выехал в Чадан чтобы не допустить опасных действий мятежников. Прибыв в их штаб, он изложил позицию центральных органов власти Тувы о недопустимости вооруженного выступления. Однако Сумунак и его близкое окружение из 23 чел. отказались прекращать антиконституционные действия и складывать оружие. Все же Буян-Бадьргы уговорил их освободить ранее арестованных работников хошунного управления. Кроме того часть мятежников, насильственно вовлеченных в восстание, согласилась прекратить сопротивление и сдать оружие.

К тому времени на место событий прибыл сводный правительственный отряд из 150 чел., посланный для успокоения населения и ареста

23 Национальный архив Монголии, ф. 1, оп. 1, д. 23, л.5.

мятежников. Мятежникам несколько раз посылались письменные сообщения с предложением добровольно сложить оружие. Однако они не только отказались прекратить сопротивление, но и, неожиданно окружив правительственный отряд, первыми открыли огонь и развернули военные действия. В результате этого вооруженного нападения несколько человек с обеих сторон погибли или получили ранения [История Тувы 2007, с. 154]. Правительственный отряд вынужден был отойти. Чтобы локализовать восстание и не дать ему распространиться на другие хошуны, он закрепился в районе Шагаан-Арыга. По просьбе тувинского правительства командование над сводным отрядом принял С.К. Кочетов. После вооруженного столкновения вести переговоры с мятежниками стало невозможно, и М. Буян-Бадырғы вернулся в г. Кызыл.

По поводу действий Буяна-Бадырғы на Хемчике Х.М. Сейфулин замечает: «Председатель Совета Министров ТНР Буян-Бадорху (Буян-Бадырғы - *Н.М.*) побывал в районах, охваченных восстанием, посетил штаб повстанцев и невредимый вернулся обратно в Кызыл» [Сейфулин 1954, с. 79]. В «Слове арата» встреча Буяна-Бадырғы с Кууларом Сумунаком показана как встреча двух ханов, двух единомышленников [Салчак 1973, с. 168-172]. Наконец, непосредственный участник военного столкновения правительственного отряда с повстанцами Монгуш Калзан сообщает: «В бою мы потеряли 5 человек убитыми и 9 человек ранило. В этом бою я убил писаря Сумунака по имени Чалбай. Из полы [халата] этого бандита мы извлекли секретное письмо, в котором было указание тувинских нойонов Буян-Бадыра (искаженное Буян-Бадырғы – *Н.М.*), Салчака Чорба, овюрского (вероятно, ошибка при перепечатке, правильно «оюннарского» - *Н.М.*) нойона Сонома-Балчира (Соднам-Балчыра – *Н.М.*), чиновника Коктанзына (возможно, Кокта Назына – *Н.М.*) когда должен начаться мятеж. 25 человек зачинщиков мятежа мы схватили. Они очень легко отделались. Некоторое время они поработали для отряда, пошили, поремонтировали юрты бойцов-партизан, и их отпустили по домам»²⁴.

Как выясняется из воспоминаний партизанского разведчика П.К. Тутатчикова, были провокации и со стороны правительственного отряда. Он пишет: «...Попал нам один в плен. Я у него спросил, почему вы восстали, зачем восстали. А он говорит, [что] банда²⁵ Сумунака небольшая была, людей немного было, ваши партизаны совсем безвинных людей убивать начали, вот из-за этого народ на сторону Сумунака пошел. От партизан узнал, что партизан-тувинец, он Улуг-Хем хошуна сумон

24 НА ТИГПИ, д. 216, л. 7.

25 Здесь и далее термины «банда» и «бандиты» употреблены только в цитатах.

Чатка (возможно, Чааты – *Н.М.*)... Тюлюш Частып несколько человек убил. Я у Частыпа спрашивал, как убил ты..., при перестрелке с обеих сторон? С их стороны не было стрельбы, он говорит...»²⁶. Разбирая это провокационное действие, П.К. Тутатчиков осудил действия Частыпа. Возможно, ему было известно и то, что ранее Частып был одним из главных участников бандитского нападения на пос. Гагуль²⁷ 12 сентября 1919 г., когда вырезали почти всех его жителей [Моллеров 2021, с. 239]. Обращает на себя внимание и другой эпизод этих воспоминаний, где П.К. Тутатчиков сообщает: «... Банда Сумунака госторговских работников пригнала к юрте Буяна-Бадырха (Буян-Бадыргы – *Н.М.*), а Буян-Бадырх из юрты вышел к банде Сумунака и сказал, что теперь нет такой дурнички (т.е, не должно быть такой глупости – *Н.М.*), перестаньте дуреть, ...теперича такой дурнички нет места. Банда Сумунака, думала, видимо, Буян-Бадырх с бандой согласится и соединится, а Буян-Бадырх их отругал... А тогда банда Сумунака разленилась, разъехалась. У Сумунака остались лишь зачинщики, немного людей. ...Буян-Бадырх приехал в Кызыл, создал суд, а суд поприсудил платить штраф, чтобы хошунное управление штраф собрало и отправило в Кызыл»²⁸.

Райбюро РКП (б) в Туве и исполком РСТК сыграли важную роль на первом этапе восстания, локализовав и сковав его, не вступая в открытое противостояние. Тем самым они внесли свой вклад в защиту суверенных интересов и прав ТНР и предотвращение возможного кровопролития. Знание ситуации изнутри позволило тувинским «государственникам» и советским работникам в Туве избрать правильную тактику в ликвидации международного очага мирным путем. Хотя в ходе замирения провокаций и неприятных инцидентов полностью избежать не удалось, знание обстановки, использование разведанных позволило райбюро РКП (б) и исполкому РСТК в Туве действовать на опережение и со знанием дела.

В апреле 1924 г. Я.С. Чугунов, информируя командира объединенного отряда С.К. Кочетова о принятом 12 апреля постановлении, писал: «Принимая во внимание политическую обстановку Урянхая, Райбюро находит невозможным ведение военных операций, характер которых будет иметь вид «объявления войны Хемчику» при активном участии колониетских частей. Ясно было, что указанное положение могло вылиться в форму войны русских с тувинцами, от чего бы, безусловно должны в настоящей обстановке воздержаться». Вместе с тем, он далее сообщал: «...Нельзя исключить в дальнейшем выступления Кемчужан

26 НА ТИГПИ, д. 418 (письменный вариант), лл. 271-272.

27 Гагуль - верховье р. Уюк, тув. - Каа-Холь.

28 НА ТИГПИ, д. 418 (письменный вариант), лл. 273-274.

в роли объявивших войну Колонистам, после чего должны последовать иные действия с вашей стороны» [Дацышен 2010, с. 132]. Вскоре поступило предписание на запрет силовых действий в отношении повстанцев от главы НКВД СССР Г.В. Чичерина [Дацышен 2010, с. 132].

В ситуации, когда созыв Великого Хурала означал потерю времени и инициативы, а правительство, в котором преобладали монголофилы, утратило дееспособность, ЦК ТНРП (фактически ее революционное крыло) взял инициативу в свои руки и оперативно принял решения, которых ждало население. 20-23 апреля 1924 г. состоялась I конференция ТНРП, которая наметила меры по прекращению восстания, одобрила проекты законов о труде и землепользовании, первый из которых защищал аратов от чрезмерной эксплуатации, а второй предусматривал отмену старых привилегий в пользовании землей. На места для изучения общественного мнения направлялись уполномоченные. Они выясняли, какие вопросы волнуют народ, как он воспринимает законы, постановления и решения правительства, хошунных и сумонных управлений, соглашается ли с их деятельностью и что предлагает.

Намеченные конференцией военные меры удалось реализовать. ЦК партии провел большую работу по мобилизации сил аратов на подавление вооруженного мятежа. Члены ЦК выезжали в хошуну, проводили работу непосредственно в зонах сопротивления. Большинство простых аратов выступили против сумунакцев, поэтому мятеж далее Чаа-Холя не распространился. В конечном итоге силами правительственного отряда, при активном содействии аратов очаг вооруженного мятежа локализовали. В ответ на требование южных хошунов о переходе Танну-Туву под юрисдикцию Монголии ЦК ТНРП на заседании 23 июня 1924 г. принял постановление, в котором разъяснял: «...В настоящее время... большинством народа осознано, что Танну-Туву нужно развиваться самостоятельно, она должна быть независимой республикой. Поэтому следует отвергнуть предложение о присоединении к Монголии»²⁹.

Ожидалось, что монгольская сторона не будет пропускать через границу без разрешительных документов тувинских граждан. Однако кобдинский сайт Гомбоитшин пропускал повстанцев с Хемчика. «Когда у него были главари мятежников, он их не задержал - говорится в монгольском документе. - Отсюда налицо пособничество (мятежникам)»³⁰. Более того, он письменно заверил повстанцев, что не выдаст перебежчиков тувинским властям.

29 ЦАДПОО НА РТ, ф. 1, оп. 2, д. 36, л. 26.

30 Национальный архив Монголии, ф. 1, оп. 1, д. 404, л. 10-11.

Мирное урегулирование. В отношениях СССР с Китаем панмонголизм серьезно препятствовал сближению позиций. В конце 1922 г. в Политбюро ЦК РКП (б) полемизировалось предложение А.А. Иоффе пойти на вынужденную уступку Китаю в «монгольском вопросе». Свою позицию он аргументировал исходя из приоритетности отношений с Китаем в дальневосточной политике советского государства. Он также доказывал, что отделение Монголии от Китая тормозило развитие революционного движения в Китайской республике, а значит и мировой революции. Советское руководство, признав приведенные доводы убедительными и, учитывая, что отказ от Монголии де-юре отнюдь не исключал укрепления советско-монгольских отношений де-факто, с этим предложением согласилось [Моллеров 2005, с. 78-79].

После заключения советско-китайского договора 31 мая 1924 г. чаша весов в «уряньхайском вопросе» качнулась в сторону признания тувинского государства. В своем отчете в Коминтерн от 1 февраля 1929 г. представитель КИМ В. Мачавариани писал: «В договоре 1924 г. с Китаем, мы оговорили, что Туву, также как и Монголию, считаем одной из частей китайской территории, но оставляем за собой право самостоятельной политики по отношению к этим республикам до установления нормального положения внутри Китая. Отсюда политика СССР должна была заключаться в том, чтобы ко времени «нормализации» Китая, если таковая когда-нибудь наступит, противопоставить ей самостоятельную экономически, политически и культурно окрепшую республику, которая сама будет заявлять о своих правах»³¹.

Как и ожидалось, заключение советско-китайского договора в дальнейшем способствовало ослаблению панмонгольских тенденций и давления Монголии на Туву. Но в Туву уже разразилось созревшее в прежних условиях антигосударственное вооруженное восстание, охватившее район Хемчика. Разная оценка хемчикских событий советским и монгольским правительствами стала причиной для резких обоюдных заявлений. Начало им было положено нотой правительства Монголии в адрес НКВД СССР от 13 мая 1924 г., в которой осуждались действия тувинского правительства, высказывалось намерение взять повстанцев и весь тувинский народ под защиту. Глава НКВД СССР Г.В. Чичерин, напротив, сразу квалифицировал события на Хемчике как контрреволюционные и предупредил монгольского посланника в Москве, что правительство СССР повстанцам потворствовать не станет. В письменном ответе на монгольскую ноту он сообщил, что, ввиду сложности положения в Туву, Правительство СССР решило

31 РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 35, л. 2.

направить туда комиссию ЦИК СССР. Монгольской стороне он также предложил направить в Кызыл своего представителя, который мог бы заняться расследованием вопроса о вмешательстве в конфликт монгольских властей. Его предложение было монгольской стороной принято.

Летом 1924 г. в Кызыле прошла тройственная конференция представителей Советской России (Яков Давтян)³², Танну-Тувинской Народной Республики (Монгуш Буян-Бадыргы)³³ и Внешней Монголии (Хатан-Батор Максаржав)³⁴, на которой Тува впервые была приглашена за стол переговоров и участвовала в обсуждении всех вопросов международной конференции на равных правах с СССР и Монголией. Принятыми согласованными мерами трех сторон мятежников удалось разоружить, а зачинщиков мятежа арестовать. В результате мятеж удалось погасить мирными средствами. В отношении даже самых активных участников восстания была проявлена гуманность. Их только оштрафовали и отправили по своим аалам. Так, Сумунак был оштрафован на 366 китайских лан, два его заместителя – на 180 лан, остальные – на денежные суммы от 30 до 90 лан [История Тувы 2007, с. 155].

Глава монгольской делегации сначала представлял и оценивал положение в Туве с позиций панмонголизма. Сразу по прибытии в своем отчете в Монголию он писал: «Ознакомившись с (внутренним) положением Урянхая, можем сказать, что, изначально придерживаясь советов русских, хемчикский Буян-Бадыргы и его приближенные по своей инициативе образовали самостоятельное правительство. Затем, поддаваясь влиянию русского консула и советников, безграмотные и беспутные люди из Оюннарского сумона (т.е. «элегестинская» группа – *Н.М.*) вступили в заговор с русскими и узурпировали центральную власть и войска. Вместе с чиновниками они пришли к соглашению, что смогут вести работу независимого Народного Правительства. Сейчас многие араты начинают понимать сложившееся положение. Мы, представители двух правительств, также стараемся довести настоящее положение дела.

32 Давтян Яков Христофорович (1888-1938) – советский дипломат. На дипломатической работе – с 1919 г. В 1919 г. – член миссии Российского Красного креста во Франции, 1920-1921 гг. – 1-ый секретарь советского полпредства в Эстонии, 1921-1922 гг. – член коллегии, заведующий отделом прибалтийских стран НКВД, 1922 г. – полпред РСФСР в Литве, 1922-1924 гг. – советник полпредства СССР в Китае. Затем был полпредом во Франции, Иране, Греции и Польше.

33 Монгуш Буян-Бадыргы (1892-1932 гг.) – бывший нойон и князь, один из основателей тувинского государства, председатель Совета Министров тувинского правительства.

34 Хатан-Батор Максаржав (1879-1927) – видный государственный и военный деятель МНР.

Если сейчас не найдем выхода, то потом не сможем вести за собой наш урянхайский народ»³⁵.

Как видно из этого сообщения, монгольский представитель и мысли не допускал, что первые годы своего существования тувинское правительство действовало самостоятельно. Среди участников-стран конференции он даже не замечает Туву. Для него тувинцы – это свой народ, который монголы должны «вести за собой». Действия тувинских государственных деятелей из правительства и ЦК ТНРП по прекращению восстания и сохранению конституционного строя он квалифицирует как узурпацию власти. Все это свидетельствовало о том, что предстояли тяжелые переговоры.

Но, несмотря на большие разногласия, стороны постепенно сближали позиции. В ходе конференции Х-Б. Максаржав пошел на признание тувинского правительства. В итоге полученное от советского руководства «тувинское задание» Я.Х. Давтян успешно выполнил: вооруженный мятеж на Хемчике был прекращен без применения военной силы. Удалось не только отстоять государственную самостоятельность ТНР, но и заложить предпосылки для государственного признания ТНР со стороны СССР и МНР.

Во втором ряду второй слева С. К. Кочетов и далее глава делегации ЦИК СССР Я. Х. Давтян и консул СССР в Туве Ф. Г. Фальский (Горелик) с женой

После четырех лет двустороннего советско-монгольского обсуждения «урянхайского вопроса» на конференции было принято решение

35 Национальный архив Монголии, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 1-2.

о предоставлении тувинскому народу права самому определять собственную судьбу. 15 августа 1924 г. накануне отъезда советская и монгольская делегации направили в адрес тувинского правительства совместное заявление, сопроводив его просьбой «довести до сведения всего Танну-Тувинского народа»³⁶. В этом документе монгольская сторона признала неправомерность целого ряда заявлений, которыми ранее обосновывалась необходимость объединения Тувы с Монголией. Отмечалось, что пока этот вопрос поднимать преждевременно. Тувинский народ должен сначала укрепить свою государственность, чему Монголия и СССР обязались помогать, не вмешиваясь в тувинские внутренние дела³⁷. Результаты конференции позволили Туве серьезно продвинуться по пути обретения признания и государственной самостоятельности.

Таким образом, длительное непризнание тувинского государства, наступление советских и тувинских приверженцев революционных преобразований на традиционные устои тувинского общества (права светских и духовных феодалов, религию и обряды), открытая и активная агитация с монгольской стороны, связанные с неверной налоговой политикой экономические осложнения, сложившаяся обстановка неопределенности и неустойчивости породили социальные и политические метания, обусловили вооруженный мятеж на Хемчике весной 1924 г. В течение марта-августа 1924 года он держал в напряжении всю Туву, был заметным внешнеполитическим событием для Монголии и Советского Союза.

Катализатором восстания были разного рода искаженные и ложные слухи о намерениях тувинских властей кардинально ухудшить жизнь граждан.

Событие, как социально-политическое явление, в исторической литературе названо точно. Это был действительно мятеж от слов «смятение», «метаться». Он стал порождением общей обстановки – неустойчивого положения государства, внутренней социально-политической напряженности и общего смятения умов, охватившего, как представителей правящей элиты и духовенства, так и аратские слои населения. Кроме того, оно не носило непримиримого характера, не привело к большим жертвам и тяжелым последствиям и было сравнительно быстро остановлено, а затем прекращено путем мирных переговоров. Обратимся к характеристике этого знакового события первой половины 1920-х гг., имевшего большое значение для дальнейшего исторического развития Тувы.

36 АВП РФ, ф. 153, оп. 6, д. 11, п. 3, л. 8.

37 НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 8, л. 21.

Пограничное положение и политически активное население Хемчика сделали его очагом вооруженного мятежа. А самому мятежу это придало ярко выраженный промонгольский характер. Политические настроения немалой части членов правительства, главным образом, выходцев с Хемчика, лозунг восстания о присоединении Тувы к Монголии убедительно свидетельствуют об этом. Удивительно то, что именно представители Хемчика, задававшие тон на Всетувинском учредительном хурале и решительно выступавшие за образование самостоятельного государства, через два года и десять месяцев своими руками попытались аннулировать национальную государственность. Именно это стало бы главным итогом восстания в случае его победы. Поэтому мятеж также носил отчетливо проявленный антигосударственный и антиконституционный характер.

Удивительно также то, что, несмотря на явные признаки одного из самых опасных преступлений – измены родине, к участникам восстания отнеслись довольно мягко. Контрреволюционный и антисоветский характер восстания также не был при расследовании акцентирован. Хемчикские события носили международный тувинско-советско-монгольский характер (в конфликте столкнулись интересы ТНР, СССР и МНР) и могли привести к геополитическим последствиям – восстановлению статус кво в «треугольнике» СССР-ТНР-МНР на момент, предшествующий созданию тувинского государства в 1921 г. Мог произойти откат к традиционным ценностям феодально-патриархального общества.

Литература:

1. Аранчын 1982 – Аранчын, Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, СО РАН. 338 с.
2. Дацышен 2010 – Дацышен, В.Г. Государственное строительство в Туве и проблемы регионализма в первой половине 1920-х гг./ В. Г. Дацышен // Ученые записки ТИГИ. Кызыл. Вып. XXII. С. 114-136.
3. Документы ... 1960 – Документы внешней политики СССР. М. 1960. Т. 4. 836 с.
4. История Тувы 1964 – История Тувы. В 2 т. – Т. II /Отв. ред. Л.П. Потапов. М.: Наука. 455 с.
5. История Тувы 2007 – История Тувы. В 3 т. – Т. II. / Под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск. 430 с.
6. Конституции Тувы 1999 – Конституции Тувы 1921-1993 гг.: сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В.А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 216 с.
7. Моллеров 2021a – Моллеров, Н.М. Гагульская трагедия // Урянхайско-тувинская энциклопедия. Кызыл. Т.2. С. 239.
8. Моллеров 2021b – Моллеров, Н.М. Деятельность Управления Государственной Внутренней Политической Охраны по защите безопасности и суверенитета Тувинской Народной Республики (1925-1934 гг.) // Аранчыновские чтения. Материалы III-IV чтений. Кызыл. С. 93-116.
9. Моллеров 2005 – Моллеров, Н.М. История советско-тувинских отношений (1917-1944 гг.). М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 324 с.

10. Отрощенко 2020 – Отрощенко, И.В. «Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 35-48.
11. Очерки истории... 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 405 с.
12. Салчак 1973 – Салчак Тока. Слово арата. М.: Современник. 432 с.
13. Сейфулин 1954 – Сейфулин, Х.М. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл. 159 с.
14. Тульчинский Л.И., Каплунов А.И. 1972 – Очерки бюджета Тувы. – Тувинское книжное издательство, 1972. 136 с.

References:

1. Aranchyn, YU. L. (1982), "Istoricheskiy put tuvinskogo naroda k socializmu (kon. XIX – 50 g. XX v.)" [The Historical Path of the Tuvan People to Socialism (Late 19th – 50s of the 20th Century)], Novosibirsk, Nauka, SB of ASof the USSR, 338 p. (In Russ.).
2. Dacyshen, V. G. (2010), "Gosudarstvennoe stroitel'stvo v Tuve i problemy regionalizma v pervoy polovine 1920-h gg." [State Formation in Tuva and Problems of Regionalism in the First Half of the 1920s], Academic Papers of Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Issue XXII, p. 114-136. (In Russ.).
3. "Dokumenty vneshnej politiki SSSR" (1969), [USSR Foreign Policy Documents], Moscow, vol. 4, 836 p. (In Russ.).
4. "Istoria Tuvy" (1964), [The History of Tuva] in 2 volumes, edited by L.P. Potapov. Moscow, Nauka, vol. II, 455 p. (In Russ.).
5. "Istoria Tuvy" (2007), [The History of Tuva] in 3 volumes, ed. by V.A. Lamin, Novosibirsk, Nauka, vol. II, 430 p. (In Russ.).
6. "Konstitucii Tuvy 1921-1993 gg.: sbornik k 55-letiyu prinyatiya Tuvy v sostav SSSR i RSFSR", [Constitutions of Tuva 1921-1993: a Collection for the 55th Anniversary of the Admission of Tuva to the USSR and the RSFSR], comp. V.A. Dubrovsky, Kyzyl, Tuva book publishing house, 216 p. (In Russ.).
7. Mollerov, N. M. (2021), "Gagul'skaya tragediya" [The Gagul tragedy], in Uryankhai-Tuvan encyclopedia, Kyzyl, vol. 2, p. 239. (In Russ.).
8. Mollerov, N. M. (2021), "Deyatel'nost' Upravleniya Gosudarstvennoj Vnutrennej Politicheskoy Ohrany po zashchite bezopasnosti i suvereniteta Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1925-1934 gg.)" [Activities of the Office of the State Internal Political Security in Protection of the Safety and Sovereignty of the Tuvan People's Republic (1925-1934), Aranchynov readings, materials of III-IV readings, Kyzyl, p. 97. (In Russ.).
9. Mollerov, N. M (2005), "Istoria sovetsko-tuvinskih otnoshenij (1917-1944 gg.)", [History of Soviet-Tuvan Relations (1917-1944)] Moscow, Moscow University for the Humanities, 324 p. (In Russ.).
10. Otroshchenko, I. V. (2020), "Mongolofil'stvo» politicheskoy elity Tuvinskoj Narodnoj Respubliki", ["Mongolophilism" of the Political Elite of the Tuvan People's Republic], The New Research of Tuva, no. 3, p. 35-48. (In Russ.).
11. "Ocherki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS" (1975) [Essays on the History of the Tuvan Organization of the Communist Party of Soviet Union], Kyzyl, Tuva book publishing house, 405 p. (In Russ.).
12. Toka, S. (1973), "Slovo arata", [The Word of Arat], Moscow, Sovremennik, 432 p. (In Russ.).
13. Seifulin, Kh. M. (1954), "Obrazovanie Tuvinskoj avtonomnoj oblasti RSFSR", [Formation of the Tuvan Autonomous Region of the RSFSR], Kyzyl, 159 p. (In Russ.).
14. Tulchinskij, L. I., Kaplunov, A. I. (1972), "Ocherki byudzheta Tuvy", [Essays on the Budget of Tuva], Kyzyl, Tuvan book publishing house, 136 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай М. Моллеров, доктор исторических наук, научный руководитель института, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

E-mail: privetici2020@mail.ru.

AuthorID РИНЦ: 990782

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay M. Mollerov, Dr. of Sci (History), Scientific Director, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, 4 Kochetov St., Kyzyl, 667900, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: privetici2020@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-7127-184X

© Моллеров Н. М., 2022

Научная статья

УДК 94(470+571.52)

Обострение налогового вопроса и восстание на Хемчике в 1924 г.: причинно-следственная связь

Аяна А. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия, samayana@mail.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных архивных документов изучена одна из ключевых причин, приведшая к антиправительственному восстанию в 1924 г. в Тувинской Народной Республике. Налоговая политика страны, из-за которой часть населения получила льготы и преференции в налогообложении, привела к социальной напряженности в обществе. При взимании налогов не учитывались платежеспособность населения, принцип справедливости и соразмерности.

Утверждается, что протестные настроения населения продолжились в течение всего периода 1923-1924 гг. Несмотря на предпринимаемые меры ЦК ТНРП и Правительством ТНР по мирному регулированию конфликта, повстанцы продолжили свои противоправные действия, правительство тогда было вынуждено ввести вооруженные отряды.

В вооруженном выступлении, кроме лам и шаманов, приняли участие все слои населения. Доказано, что со стороны народоармейцев допущены грубые правонарушения и тяжкие преступления, и этот фактор сыграл в пользу повстанцев, которые получили моральную поддержку со стороны населения.

Воспользовавшись ситуацией, заинтересованные лица вновь подняли вопрос о вхождении отдельных сумонов, хошунов Тувы в состав Монголии. Эти и другие вопросы были конструктивно решены на Тройственной конференции с участием представителей СССР, ТНР и МНР.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, налоговая политика ТНР, ЦК ТНРП, антиправительственное вооруженное восстание, Хемчик

Для цитирования: Самдан А. А. «Вооруженное восстание 1924 г. в Туве: ключевые причины и ход событий»